

ХРОНИКА

НАУЧНЫЕ ИТОГИ XIII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВИЗАНТИНИСТОВ

Международные конгрессы византинистов созываются периодически через 3—5 лет в различных странах мира и как бы подводят итоги научных исследований за истекший между конгрессами период. XIII Международный конгресс византинистов состоялся в Оксфорде 5—10 сентября 1966 г. Этот конгресс был на редкость представительным и многолюдным. В его работе приняли участие 720 делегатов из 28 стран Европы и Америки. На конгрессе присутствовали и выступали крупнейшие византилисты современности.

Наиболее представительными были делегации Великобритании (президент конгресса Стивен Ренсимен, председатель британского национального комитета византинистов Дисоан Хассей, генеральный секретарь конгресса Д. Оболенский, профессора Р. Браунинг, Д. Тальбот-Райс, К. Манго и др.), Франции (президент международной ассоциации византинистов проф. П. Лемерль, профессор А. Грабар, М. Ришар, Э. Арвейлер, А. Бон, Н. Эворонос и др.), Греции (генеральный секретарь ассоциации византинистов Д. Закитинос, П. Зепос, И. Караиннопулос и др.), Италии (профессора Б. Лаваньини, А. Пертузи, Дж. Чиро и др.), Австрии (Г. Хунгер, О. Демус и др.). Многочисленными делегации были из США и Западной Германии.

Значительно возрос на конгрессе научный авторитет ученых из социалистических стран Европы. В работе конгресса приняли участие весьма влиятельные и представительные делегации из Югославии (академик Г. Острогорский, профессор Дж. Бошковиц, Ф. Баришич, Я. Ферлуга, Б. Ферянчич, Б. Крекич и др.), Венгрии (академик Д. Моравчик), Болгарии (профессора Д. Ангелов, И. Дуйчев, В. Бешевлиев и др.), ГДР (профессор И. Ирмшер, Х. Копштейн и др.), Чехословакии (профессор А. Досталь, Б. Застерова и др.), Польши (О. Юевич), Румынии (академик Е. Кондураки, Е. Станеску, И. Барнеа и др.). Советский Союз был представлен делегацией из 15 византинистов Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Еревана [чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев (глава делегации), чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, академик Армянской АН С. Т. Еремян, доктора наук А. П. Каждан, З. В. Удальцова, кандидаты наук А. В. Банк, О. А. Белоброва, Н. Н. Кечакмадзе, Г. Л. Курбатов, Г. Г. Литаврин, Н. Ю. Ломоури, Р. А. Наследова, К. А. Осипова, З. Г. Самодурова, К. Н. Юзбашян].

Тематика научных докладов на пленарных заседаниях конгресса группировалась вокруг 5 широких проблем: 1) взаимоотношения Византии с народами Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа; 2) Византия в XI в. (поскольку этот период истории Византийской империи еще мало изучен); 3) вспомогательные дисциплины (агиография, нумизматика, демография, историческая география) на службе византиноведения; 4) проблемы византийского искусства XI в.; 5) вопросы среднегреческого языка и филологии.

1. Византия и страны Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа.

Эта проблема стояла в центре внимания участников конгресса.

Значительный интерес вызвал доклад акад. Дьюлы Моравчика (Будапешт) «Византийская миссия среди тюркских народов на северном побережье Черного моря».

В докладе впервые прослеживаются этапы распространения христианства византийскими миссионерами в VI—XI вв. среди тюркских народов: протоболгар, печенегов, хазар, селившихся в разное время на территории между устьем Дуная и Кубанью. Особую ценность доклада Д. Моравчика составляет то, что автор не ограничился установлением основных этапов распространения христианства среди этих народов, а сделал попытку проанализировать методы христианизации, применяемые византийской миссией. Чрезвычайно важно стремление Д. Моравчика выяснить отличие методов миссии западной католической и восточной православной церквей.

По мнению Д. Моравчика, христианизация, проводимая восточной церковью, не сопровождалась установлением того единообразия культа, церковного ритуала

и т. п., которого настойчиво требовала католическая церковь на Западе. Это находило свое выражение в сохранении византийской миссией местных языков для богослужения, что придавало в известной мере «либеральный» характер деятельности византийских миссионеров.

Проблема различия методов церковных миссий католической и православной церковью оказалась затем в центре дискуссии, развернувшейся по докладу Д. Моравчика.

Содоклад Л. Мюллера (Тюбинген, ФРГ) был посвящен вопросу о характере византийской церковной миссии на Руси в IX—X вв. Л. Мюллер, как и Д. Моравчик, особое внимание в докладе уделил выяснению *основных принципов* деятельности византийских миссий. В отличие от Д. Моравчика, Л. Мюллер, однако, усматривал специфику византийской церковной миссии отнюдь не в ее относительной либеральности (сохранение племенных и языковых особенностей у христианизирующихся язычников), а в том, что на Западе деятельность католических миссионеров якобы носила индивидуальный характер, была результатом личной инициативы отдельных проповедников, между тем как в Византии, по утверждению Л. Мюллера, миссионеры выступали как представители государственной власти и христианизация была следствием и одновременно средством политической экспансии империи. Докладчик стремился одновременно отделить деятельность католических миссионеров от политической и военной экспансии германских феодалов.

В прениях по докладу Д. Моравчика и содокладу Л. Мюллера основное внимание выступавших было сконцентрировано на определении сходства и различия в характере и методах миссий православной и католической церковью. Тезис Л. Мюллера об индивидуальном характере католической миссии не получил поддержки ученых.

Советские ученые Н. В. Пигулевская и А. П. Каждан в своих выступлениях указали на необходимость изучения внутренних причин христианизации варварских народов и привлечения новейших археологических исследований в Северном Причерноморье, в частности памятников Салтово-Маяцкой культуры.

Основным проблемам византино-сербских отношений в XIV в. был посвящен доклад академика Георгия Острогорского (Белград). В центре внимания докладчика находился вопрос об исторических судьбах сербских княжеств, на которые распалась держава Стефана Душана. В частности, Г. Острогорский остановился на характеристике общественного и государственного строя и внешней политики Сербского княжества. В основу доклада была положена монография Г. Острогорского о Серрах, опубликованная в 1965 г.¹ Автор поставил задачей выяснение соотношения византийских и сербских национальных элементов в социально-экономической жизни, административном устройстве и церковной организации Сербского княжества. Г. Острогорский приходит к выводу, что на всей структуре Сербского княжества лежал византийский отпечаток. Несмотря на потерю Византией реальной власти на землях, перешедших под власть сербов, империя все же сохраняла здесь непреходящим свой престиж и свое влияние. Рядом с сербской властью всегда жили традиции и установления Византийской империи. Как по существу, так и по форме государственные институты Серб оставались византийскими, и византийское влияние на внутреннюю жизнь Сербского княжества было даже более сильным, чем в свое время на державу Стефана Душана. Знатные греки занимали видные посты при сербском дворе и одновременно являлись крупными земельными собственниками в Македонии. Лишь в сфере церковных отношений преобладали сербские элементы и митрополия Серб возглавлялась славянами, а Афонские монастыри управлялись сербскими протами. Таким образом, Г. Острогорский выступил как сторонник сохранения в Сербском княжестве сильного влияния византийской государственности.

Содоклад Дж. Сулиса (США), внезапно скончавшегося перед конгрессом, был прочитан югославским ученым Б. Крекичем. Дж. Сулис солидаризировался с Г. Острогорским по основному вопросу о византийском влиянии в сербских землях. Как и Г. Острогорский, Дж. Сулис признал византийское влияние доминирующим как в самой державе Стефана Душана, так и в сербских княжествах, на которые она распалась. Этот тезис Г. Острогорского и Дж. Сулиса был поддержан другими византинистами и славистами.

Та же проблема «византийского влияния» на сопредельные с империей страны дебатировалась при обсуждении коллективного доклада советских ученых Г. Г. Литаврина, А. П. Каждана и З. В. Удальцовой «Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в.».

В докладе были подведены итоги новейших исследований советских и зарубежных ученых по проблеме византино-русских связей в сфере экономической, политической и культурной жизни. Наибольший интерес специалистов вызвал вопрос о византийском влиянии на культуру Древней Руси. В докладе подчеркивалось, что влияние византийской цивилизации на Русь равным образом не следует как преувеличивать, так и преуменьшать. Византийское влияние в различных сферах материальной и духовной культуры Древней Руси проявлялось с неодинаковой интенсивностью, что зависело от уровня развития дохристианской народной культуры и от степени соответствия или несоответствия культурных ценностей, получаемых из Византии, жизнен-

¹ Г. Острогорски. Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965.

ным потребностям русского феодального общества. Этот тезис в докладе был подтвержден конкретно-историческими примерами из сферы истории права, языка, литературы, музыки, церковной организации Руси.

Содоклад И. Шевченко (Вашингтон) — «Русско-византийские отношения после XI в.», помимо некоторых интересных дополнений к докладу советских ученых, содержал дальнейшее развитие дискуссионного вопроса о византийском влиянии на Русь. Автор содоклада попытался в историографическом аспекте наметить «эволюцию» оценки византийского влияния на Русь в трудах русских и советских ученых от В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова до наших дней.

По мнению И. Шевченко, в историографии существовало три точки зрения по изучаемому вопросу: полное признание доминирующей роли византийского влияния в создании и развитии культуры Древней Руси; не менее решительное отрицание этого влияния и, наконец, некий «средний путь», по которому, как полагает Шевченко, пошли и докладчики. Сам И. Шевченко пытался перенести акцент в изложении спорных вопросов на усиление значения и масштабов византийского влияния на различные сферы политической, культурной и церковной жизни древнерусского общества.

В содокладе Ф. Лилиенфельд (Иена) «Русь и Византия в XIV — XV вв.» прослеживалось развитие русско-византийских церковных связей в последние два века существования империи.

Прения по докладу и содокладам, естественно, сконцентрировались вокруг самого животрепещущего вопроса о византийском влиянии на культуру Древней Руси. И. Дуйчев (София) подчеркнул значение культуры южнославянских народов как «культуры-посредника», способствовавшей передаче высоких образцов византийского литературного творчества (часто уже в переработанном виде) на Русь. Большой интерес вызвал поставленный в докладе советских ученых вопрос о континуитете античной культуры в византийской и русской средневековой идеологии. Б. Унбегаун (Нью-Йорк) пытался отрицать тезис, что культурный обмен между Византией и Русью был двусторонним процессом. Он придерживался старой, давно опровергнутой в нашей науке точки зрения, что на Руси якобы вплоть до XIX в. литературным языком являлся лишь церковно-славянский язык. В советской же лингвистической науке, как известно, убедительно показано, что процесс складывания русского литературного языка начался уже после XI в.: язык русских книжников, хотя и имел в своей основе церковно-славянский, но постоянно обогащался из сокровищницы русского народного языка.

Доклад профессора Софийского университета Д. Ангелова «Болгарские земли и болгарский народ в границах Византийской империи в XI — XII вв.» подводил итоги многолетних исследований болгарских и советских ученых и византистов других стран по внутренней истории Болгарии в период византийского господства. Основной вывод автора состоял в том, что включение Болгарии в XI в. в состав Византийской империи привело к ускорению развития феодальных отношений, к оформлению крупной феодальной вотчины и феодальной зависимости болгарских крестьян. Что касается вопроса о болгарских городах XI — XII вв., то докладчик подчеркивал значительный прогресс в социально-экономической жизни городов в период византийского владычества, — чему способствовало вхождение Болгарии в состав государства, имеющего высокий уровень развития товарно-денежных отношений.

В содокладе А. Достала (Прага) «Культурные связи между Византией и славянами (в особенности болгарами) в XI — XII вв.» трактовалась, преимущественно на лингвистическом материале, проблема славяно-византийских культурных связей изучаемой эпохи. Основной тезис А. Достала состоял в том, что византийское господство в Болгарии, хотя и привело к ухудшению социально-экономических условий жизни населения, в то же время способствовало укреплению культурных связей Болгарии и Византии и усилению литературной активности в болгарском обществе. Иными словами, византийское завоевание несло с собой значительное углубление византийского влияния на культуру феодальной Болгарии XI—XII вв.

Прения развернулись как по проблеме о характере византийского культурного наследия в Болгарии, так и по некоторым частным вопросам. Так, например, внимание ученых привлек вопрос, выдвинутый Д. Ангеловым, о славянских социально-правовых терминах, эквивалентных греческим (например, греческий термин «дулевы» — рабы, по мнению Д. Ангелова, соответствовал славянскому «отроки» и т. п.). А. Достал и другие ученые (И. Шевченко, Г. Г. Литаврин) высказали несколько замечаний к этой трактовке термина «отрок»; было признано, что пока нет достаточных оснований изменять общепринятое значение его как «дитя», «подросток», «домочадец», «слуга».

Коллективный доклад румынских ученых Э. Кондураки, И. Барнеа и П. Диакону (Бузарест) «Новые исследования о византийском *limes'e* на Нижнем Дунае в X—XI вв.» касался сложных международных отношений в бассейне Дуная, где в X—XI вв. сталкивались интересы Византии, Болгарии, Руси, печенегов.

На основании археологических открытий последних лет в Добрудже румынские ученые доказывали, что в X—XI вв. на Нижнем Дунае был воздвигнут новый пояс византийских пограничных укреплений, заменивший старый, разрушенный во время великого переселения народов. Строительство этого второго Дунайского *limes'a* Византийской империи было связано с болгаро-византийскими и русско-византий-

скими войнами (при князе Святославе), а также столкновениями Византии с кочевыми народами, узами и печенегами.

Докладчики выдвинули тезис о том, что в VII—XI вв. Добруджа находилась под властью Византии: в X в. империя возводила здесь пограничные оборонительные сооружения против опасности нового нападения русских войск, а в XI в. — против вторжения кочевников.

Содоклад А. Элиана (Бухарест) «Византия и Румыния в конце средних веков» не был органически связан с предшествовавшим докладом. Он был посвящен проблеме взаимоотношений Молдавии и Валахии с Византией в XIV—XV вв. В центре внимания А. Элиана находился опять-таки вопрос о влиянии византийской культуры на культуру народов, населявших Молдавию и Валахию в поздневизантийский период. А. Элиан пришел к выводу, что в XIV—XV вв. связи румын с Византией были слабы, а культурное воздействие византийской цивилизации осуществлялось опосредствованно: через синтез византийской и славянской культур. Культурное же наследие Византии прочно утвердилось в Румынии только после падения самой Византийской империи.

Видное место в работе конгресса заняла проблема взаимоотношений Византии с народами Кавказа. С. Туманов (Вашингтон) в своем докладе «Предпосылки Манцикерта» доказывал, что поражение Византии в 1071 г. при Манцикерте явилось результатом агрессивной политики империи в отношении Армении. Византийское завоевание Армении ослабило эту страну и тем самым открыло путь туркам-сельджукам в Малую Азию.

В содокладе С. Дер Нерсисян (Париж) «Армения в X—XI вв.» был дан интересный очерк внутреннего положения Армении накануне византийского завоевания. Экономический и культурный расцвет, переживаемый Арменией в этот период, сочетался однако с обострением классовой борьбы, ослаблявшей страну и облегчившей вторжение в Армению византийских войск. Несчастьем как для Армении, так и для Византии, по мнению докладчицы, было то, что наступление на Армению Византия начала в период своего могущества, а завершила завоевание этой страны уже в годы своего ослабления. Ошибка византийского правительства состояла в том, что оно переоценило свои силы: византийцы надеялись, удалив местных армянских владетелей и распустив туземное войско, сами защитить завоеванные территории. На деле же подобная близорукая политика погубила Армению и подготовила разгром самой византийской армии при Манцикерте.

В содокладе Ф. Сюмера (Анкара) «Турки в восточной Малой Азии в XI в.» была выдвинута диаметрально противоположная концепция. Автор содоклада пытался доказать благоприятные последствия сельджукского завоевания для населения восточных областей Малой Азии, которое якобы положило конец неустойчивости, царящей при византийцах, «установило мир и порядок». По мнению турецкого ученого, господство сельджуков было одним из самых «счастливых» периодов истории Малой Азии.

Концепция Ф. Сюмера получила отпор от большинства участников дискуссии — особенно резкой критике такая оценка сельджукского завоевания была подвергнута в выступлениях Дж. Бошковица (Югославия), С. Вриониса (США) и советских кавказоведов — академика Армянской АН С. Т. Еремяна, К. Н. Юзбашяна и Н. Ю. Ломоури.

Проблеме взаимоотношений Византии и Армении был также посвящен доклад академика С. Т. Еремяна (Ереван) «Карсское царство в XI в.». Докладчик расценивает период существования Карсского царства как время наивысшего экономического и культурного расцвета государства армян, а его разгром — как прелюдию к разгрому империи при Манцикерте, знаменовавшему начало заката Византии.

Подводя итоги рассмотрению на конгрессе проблемы взаимосвязей Византии с народами Юго-Восточной, Восточной Европы и Кавказа, необходимо отметить, что за последние годы разработка этой проблемы значительно обогатилась благодаря разносторонним исследованиям преимущественно византинистов европейских социалистических стран и Советского Союза. Вкладом в науку бесспорно является открытие новых данных источников, свидетельствующих о взаимном влиянии и взаимопроникновении византийской культуры и культуры сопредельных с империей стран. Вопрос о византийском влиянии, стоявший в центре исследуемой проблемы, трактуется в новейших исследованиях объективнее, смелее, без каких-либо крайностей, как в сторону преувеличения этого влияния, так и его отрицания. И это, безусловно, — весьма отрадное явление в византиноведческой науке. Впрочем, проблема византийского влияния, конечно, еще долго останется острой и будет привлекать внимание исследователей.

Несколько более скромное место в работе XIII конгресса в Оксфорде в отличие от XII конгресса в Охриде (1961 г.) заняла тематика по социально-экономической истории Византии. На пленарных заседаниях фактически этой проблематике был посвящен лишь доклад Н. Звороноса (Париж) «Общество и внутренняя структура Византийской империи: основные проблемы».

В докладе Н. Звороноса чувствовались некоторые отзвуки споров между «феодалистами» и «антифеодалистами», развернувшихся на предшествующем конгрессе, причем сам Н. Зворонос склонялся скорее к позиции «антифеодалистов».

Выясняя причины ослабления Византии в XI в., Н. Зворонос выступил против традиционной трактовки этого вопроса. Обычно в научной литературе упадок империи в XI в. объяснялся ростом крупного землевладения динатов и прекращением политики в защиту крестьянской общины, проводимой ранее императорами Македонской династии. Опровергая эту концепцию, Н. Зворонос отметил, что рост крупной земельной собственности наблюдался уже в X в., а меры в защиту крестьянского землевладения оказались малоэффективными. Причины ослабления Византии в XI в. Н. Зворонос усматривает в усилении гнета византийского государственного аппарата и в росте централизации империи, которая привела к ослаблению армии и внешним неудачам.

Вместе с тем, докладчик подчеркивает, что в этот период все же продолжается экономическое развитие городов и начинается процесс складывания «среднего класса» горожан, который мало-помалу оттесняет на задний план военную аристократию, безраздельно господствовавшую в X в. Большое значение Н. Зворонос придает также внешнеполитическим факторам, усугубившим кризис империи в X в.

Воззрения Н. Звороноса подверглись критике в содокладе Г. Эверт-Капессовой (Лодзь), которая подчеркнула, что феодализация была хотя не единственной, но важной причиной ослабления Византии в XI в. В прениях выдвигалась гипотеза о том, что в XI в. империя вступила в период феодальной раздробленности, связанной с подъемом провинциальных городов и утратой Константинополем своего монопольного положения в транзитной торговле, что в конечном счете приводило к экономическому разобщению Византийского государства.

Содоклады А. Гию (Рим) и Э. Станеску (Бухарест) не были связаны со спорными вопросами, поднятыми в докладе Н. Звороноса. А. Гию посвятил свой содоклад рассмотрению общественного устройства и административной системы в византийских владениях в Италии в XI в. Э. Станеску дал анализ политических реформ и контрреформ третьей четверти XI в., которые, по его мнению, подготовили стабилизацию империи при Комнинах.

Обсуждение проблем внутренней истории Византии XI в. еще раз убедительно показало необходимость дальнейшего углубленного изучения многих остающихся еще спорными вопросов социально-экономического развития империи этого времени.

Важным показателем растущего интереса византийцев к новой методике использования вспомогательных дисциплин для дальнейшего развития византиноведения явились доклады на пленарных заседаниях, посвященные вопросам византийской нумизматики, агнографии, демографии и исторической географии.

В докладе Ф. Грирсона (Кембридж) «Византийская монета как исторический источник» явственно прозвучали гиперкритические нотки — автор доклада подчеркивал преимущественно наличие многочисленных трудностей, которые подстерегают исследователя при использовании монет в качестве исторического источника. Этот тезис Ф. Грирсона вызвал резкий отпор со стороны видного английского нумизмата Д. М. Меткалфа, который отстаивал право византийцев использовать нумизматический материал в качестве весьма ценного исторического источника.

Иным было отношение исследователей к агнографическим памятникам как историческому источнику. В этом вопросе все византилисты были единодушны, подчеркнув огромную ценность агнографических памятников для изучения многообразных сторон реальной жизни византийского общества.

Ф. Альен (Брюссель) в докладе «Византийская агнография на службе истории» показал обилие самых различных бытовых деталей, содержащихся в агнографических источниках и помогающих воссоздать живую действительность мнувших веков. В содокладе Э. Фальери (Италия) «Отношения между Византией и Западом в сфере агнографии» было показано значение для византийцев агнографических памятников Южной Италии и латинских переводов греческих житий. В содокладе И. Дуйчева (София) «Связи Византии и славян в области агнографии» на большом материале агнографических источников прослеживались византино-славянские литературные связи. Особо подчеркивалось то обстоятельство, что зачастую славянские версии житий помогают восстановить утраченные греческие оригиналы ценных агнографических памятников.

В докладе и в содокладах перед византистами всех стран была поставлена задача первостепенной важности: создание полного сводного каталога византийских агнографических памятников с обязательным привлечением рукописей, хранящихся в СССР и США, а также с использованием славянских и латинских рукописей житий, помогающих полнее изучить византийское агнографическое рукописное наследие. Долг советских палеографов принять участие в этом важном международном научном начинании.

За последние годы среди ученых различных специальностей, в частности и византийцев, значительно оживился интерес к вопросам демографии. Впрочем в докладе П. Караниса (США) «Заметки по демографии Византийской империи», как и в докладе Ф. Грирсона о византийской нумизматике, намечались некоторые гиперкритические тенденции. Докладчик утверждал, что в настоящее время представляется невозможным определить численность населения византийских городов (в частности, и Константинополя), ибо цифры, приводимые в источниках, крайне недостоверны и, как правило, преувеличены. Вместе с тем, несмотря на шаткость данных источников, сам П. Каранис

пытается создать схему демографической эволюции Византии на разных этапах существования империи.

Гиперкритические построения П. Караниса подверглись остроумной критике в содокладе Г.-Г. Бека (Мюнхен) и в прениях, где указывалось на возможность достаточно точной проверки демографических данных различных источников.

В содокладе Э. Арвейлер (Париж) был поставлен важный вопрос о значении новой отрасли византиноведческой науки — исторической географии Византийской империи. Докладчица предложила очень интересную методику использования различных источников для создания исторической географии Византии. Она указала на особенности византийской географической номенклатуры, в частности на сохранение архаических топонимов и этнонимов, а также на необходимость изучения различных аспектов исторической географии империи: административной, фискальной, церковной и т. п.

В связи с тем, что византиноведение по своей сущности является комплексной наукой, заметное место на конгрессе заняли доклады по среднегреческой лингвистике и филологии, и особенно по истории византийского искусства.

В докладе Е. Криараса (Фессалоника) «Диглоссия (двуязычие) последних веков Византии; возникновение новогреческой литературы» прослеживается раздельное существование в Византии языка разговорного, народного и языка ученого, древнегреческого, которым пользовались писатели и философы, искусственно архаизируя свой стиль. В поздневизантийский период при наличии двуязычия более интенсивно разворачивается процесс обновления архаизирующей тенденции за счет народного языка, что послужило важным стимулом возникновения новогреческой литературы.

В содокладе И. Иршпера (Берлин) был поднят малоизученный вопрос о социальном значении проблемы диглоссии в Византии. А. Мирамбель (Париж) в своем содокладе рассмотрел причины двуязычия в Византии, которые он усматривает в сочетании античной традиции с христианством, в консервативном характере греческого языка, в его медленной эволюции.

В центре внимания историков византийского искусства находилось искусство XI в. Этой проблеме были посвящены доклад Р. Вейцмана (США) «Византийская миниатюра и иконография в XI в.» и содоклады Ш. Дельуа (Брюссель) «Византийская архитектура XI в.» и А. В. Банк (Ленинград) «Некоторые проблемы прикладного искусства Византии в XI веке».

С детальным критическим анализом доклада К. Вейцмана выступил глава советской делегации член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, противопоставивший точке зрения докладчика свою концепцию развития византийского искусства в XI в.

Помимо докладов на пленарных заседаниях, на конгрессе было прочитано огромное число докладов по частным вопросам на заседаниях секций: истории, искусства и археологии, музыкологии, вспомогательных дисциплин, права, литературы и математики, истории церкви и теологии. Проблематика секционных докладов была крайне разнообразна. В краткой статье невозможно охватить все эти выступления, и мы ограничимся лишь характеристикой докладов советских делегатов.

Член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская (Ленинград) в докладе «Хронограф Феопана и сирийские хроники» на основании тщательного сравнительного анализа греческих и сирийских хроник пришла к выводу о тесной органической взаимосвязи византийской и сирийской хронографии. По мнению докладчицы, византийская литература — понятие несравненно более широкое, чем греко-византийская литература, она должна включать также и иноязычные, в частности сирийские, памятники. Лишь такой новый, широкий охват византийской литературы может с большей полнотой показать ее вклад в сокровищницу мировой литературы.

Доклад члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева (Ленинград), прочитанный на конгрессе, был посвящен сложной проблеме византийского влияния на древнерусскую литературу. Впервые в науке с большой глубиной и на основании великолепного знания источников было дано теоретическое осмысление типа и характера византийского влияния в древнерусской литературе. Д. С. Лихачев полагает, что византийское влияние (в отличие от скандинавского) представляло собой такой тип влияния, которое осуществлялось в высших проявлениях культуры: в сфере философских представлений о мире, политических идей, религии, во всех формах искусства (зодчество, живопись, прикладное искусство, литература). Вместе с тем, византийское влияние, распространяясь на Русь, порождало сопротивление, было связано с борьбой местной, самобытной и византийской культуры.

По-новому, свежо был поставлен в докладе Д. С. Лихачева и вопрос о так наз. «культуре-посреднике». Докладчик убедительно показал, что византийское влияние на Русь проникало преимущественно через посредство южно-славянской письменности, и именно культура южных славян сыграла в данном случае важную роль.

Проблемы социально-экономической истории ранней Византии были затронуты в докладе Г. Л. Курбатова (Ленинград) «Термин «титатары» у Малаля и некоторые вопросы развития социальных отношений в Византии IV—VI вв.». Г. Л. Курбатов пришел к выводу, что титаторы представляли особый социальный слой зажиточных провинциальных землевладельцев в ранней Византии. Этот социальный слой явился как бы предшественником будущей провинциальной феодальной знати в империи.

Доклады советских делегатов касались также взаимоотношений Византии с соседними народами. Так, в докладе *Р. А. Наследовой (Москва)* «*К хронологии первой войны Симеона с Византией*» была выдвинута новая, убедительная датировка первой войны болгарского царя Симеона с Византией. Отказавшись от традиционной датировки (начало войны — 894 г., заключение мира — 896), *Р. А. Наследова*, на основании анализа источников, доказала, что первая война Симеона с Византией продолжалась до 904 г.

Взаимоотношениям Византии со странами Кавказа были посвящены доклады советских кавказоведов *К. Н. Юзбашяна* и *Н. Ю. Ломоури*. В докладе *К. Н. Юзбашяна (Ленинград)* было показано большое значение для изучения истории Византии XI в. исторического «Повествования» армянского писателя Аристакэса Ластиверци. В докладе *Н. Ю. Ломоури (Тбилиси)* был дан историографический очерк изучения проблемы взаимоотношений Грузии и Византии в советской исторической науке.

Заметное место в тематике докладов советских делегатов заняли вопросы идеологической борьбы в Византийской империи. *К. А. Осипова (Москва)* в докладе «*Социально-политическая борьба в Византии вокруг заключения Лионской унии*» впервые в научной литературе сделала попытку выяснить социально-политическую направленность Лионской унии и установить, какие социальные круги были за и против ее заключения. По мнению докладчицы, партию сторонников унии составляли придворная знать и высшее духовенство, противники же унии опирались на монашество, часть провинциальной знати и на народные массы империи.

Н. Н. Кечакмадзе (Тбилиси) в своем докладе дала анализ 64-го трактата византийского философа XI в. Иоанна Итала. Она показала, что, хотя этот трактат был посвящен лингвистическим проблемам, он был связан с общей философской концепцией Итала и определил его рационалистический подход к развитию языка, его оценку с точки зрения разума. Этот трактат-письмо был адресован Италом знаменитому грузинскому философу Иоанну Петрици, что указывает на тесные культурные связи Византии и Грузии в XI в.

В докладе *З. Г. Самодуровой (Москва)* «*Хроника Петра Александрийского в греческой рукописи Московского университета*» была дана характеристика этого изданного ею памятника и выявлены источники Петра Александрийского путем сопоставления его труда с другими краткими византийскими хрониками.

Во время работы конгресса в Оксфорде происходили заседания Международной ассоциации византинистов, на которых были рассмотрены важные организационные вопросы. Был вновь переизбран и пополнен состав руководящих органов ассоциации. Глава советской делегации член-корр. АН СССР *В. Н. Лазарев* единодушно был избран одним из почетных президентов этой международной организации византинистов. Ассоциация приняла решение об издании силами ученых всех стран «Корпуса византийских источников» и избрала международную комиссию для осуществления этого грандиозного начинания.

XIV конгресс византинистов состоится в 1971 г. в Бухаресте. В 1970 г., по решению Международной ассоциации византинистов, на конгрессе историков в Москве будут поставлены также доклады византинистов. Для определения тематики конгресса в Бухаресте и секции византиистики в Москве, в 1968 г. намечается провести заседание Международной ассоциации византиноведов. К этому же времени приурочивается организация международного симпозиума по проблеме «Византийское общество и его искусство в XIV в.».

XIII Международный конгресс византинистов в Оксфорде достаточно отчетливо показал современное состояние византиноведческой науки в различных странах и в известной мере наметил перспективы ее дальнейшего развития. Была выявлена необходимость дальнейшей углубленной разработки социально-экономических и идеологических проблем, генерального пересмотра и переиздания византийских источников, выработки новой методики использования вспомогательных дисциплин для развития византистики. Научные итоги конгресса, естественно, должны быть учтены советскими византинистами при определении перспективного плана развития советского византиноведения.

З. В. Удальцова